

Формирование способности влиять на собственную жизнь в ситуации городской трагедии: исследование случая нарративного консультирования

Томас Пауэр

Оригинал статьи опубликован здесь: <http://www.dulwichcentre.com.au/explorations-2009-1-thomas-power.pdf>

Перевод Дарьи Кутузовой

Томас Пауэр работает школьным психологом в начальной школе в Южной Калифорнии, США. Ему можно написать по электронной почте : tompower007@hotmail.com

В этой статье я описываю отношения нарративного консультирования с подростком, находящемся на поселении после пребывания в колонии для несовершеннолетних, где я работал консультантом по жизненным навыкам. В рамках проблемной истории он рассказывал о том, как подвергался сексуальным домогательствам; как родители заставили его смотреть, как отчим насиловал его брата; как убежал из дома и жил на улице; как был вовлечен в употребление и продажу наркотиков (именно последнее и привело его в колонию для несовершеннолетних). Для того, чтобы отделить Тре от его проблемной истории, использовался «экстернализующий» язык. Далее, мы обсудили воздействие этой проблемной истории на различные области его жизни. Я искал противоречия внутри проблемной истории, чтобы помочь ему перейти к предпочитаемой истории. То, что он сдал выпускные экзамены из школы; то, что у него были вербальные умения, позволявшие избежать драк; его интерес к изобразительному искусству и музыке – все это стало мостом к его новой предпочитаемой истории. Мы сейчас не поддерживаем контакт, но последний раз, когда я общался с ним, у него была работа, приносящая хороший доход, и он посещал занятия в вечернем колледже.

Примечание редактора

Тре* в этой статье периодически выражается исключительно грубо и оскорбительно, что, вне всякого сомнения, отражает то, в каких мирах ему доводилось жить. Мы немного подредактировали его речь, чтобы быть бережными по отношению к читателям, а также для того, чтобы показать, что не считаем такого рода вербальную агрессию «нормальной». Но мы попытались сохранить некоторый «аромат» речи Тре и то, каким образом она является аутентичной, соответствует борьбе подростка, подвергшегося насилию и выживающего в жестоких обстоятельствах. Мы хотели удержаться на грани, и если нам это не удалось, мы приносим свои извинения. Нашим намерением в этой статье не является оскорбление кого-либо. Мы бы хотели отметить, что психологам, терапевтам и консультантам необходимо быть готовыми идти рядом с теми, кто жил «на дне», где все вовсе не «мило и вежливо». *Тре – это не настоящее его имя; и да, он подписал заявление, разрешающее опубликовать эту историю.

Это история взаимоотношений консультирования, в основе которых лежали принципы нарративной практики (Freedman & Combs, 1996; White, 2007; White & Epston, 1990; Winslade & Monk, 2007). В рамках нарративного консультирования мы работаем с историями, чтобы изменить жизнь. Здесь важно, что «истории» – во множественном числе. Нарративные консультанты полагают, что в жизни всегда со-присутствует множество историй. Не все эти истории – проблемные, но некоторые вполне могут таковыми быть. При этом в тени, под гнетом этих проблемных историй могут скрываться иные истории. Задача нарративного консультирования – раскрыть точки входа в эти истории и взрастить последние посредством бережного расспрашивания. История консультирования, представленная ниже, служит иллюстрацией того, как этот процесс работает. Она была сформулирована в ходе практикума на занятиях по «Нарративному консультированию в школах» (Winslade & Monk, 2007). Я расскажу эту историю, и по ходу рассказа буду включать пояснительные комментарии.

Тре 17 лет, он американец мексиканского происхождения, и находится на поселении, где проживают и обучаются подростки, уже отбывшие наказание в колонии для несовершеннолетних, и освобожденные по УДО. Режим на поселении менее строгий, чем в колонии, но также менее свободный, чем на «воле».

Мы познакомились с Тре примерно пять месяцев тому назад, когда я был вброшен в роль одного из его консультантов по жизненным навыкам. Работаю я в ночную смену, и поэтому у меня было мало возможностей пообщаться с Тре, кроме как по утрам, когда я будил его в школу. Однако как-то раз он засиделся за полночь и жаловался, что «...никогда не сдаст словарный зачет», который у него должен был быть на следующее утро. Я позанимался с ним минут двадцать, и понял, что это очень сообразительный, восприимчивый и творческий молодой человек, которому на поселении живется непросто, и который очень переживает из-за того, что хороших перспектив на будущее у него почти нет. Я поделился с Тре несколькими «приемчиками» для лучшего запоминания слов (чтобы он мог лучше задействовать свою художественную, зрительную память), и обещал, что в будущем буду с ним заниматься.

В институте, где я учусь, мне дали задание «вести» школьника, и я решил, что это отличная возможность уделять больше времени общению с Тре. Я спросил его, хочет ли он заниматься со мной, как с репетитором, и он был очень рад. Однако в конце нашей первой встречи для занятий он дал мне понять, что ему важнее поговорить со мной о том, что его беспокоит, а не заниматься уроками, – и мы решили, что это будут отношения консультирования, направленные на решение личных проблем Тре.

Ниже я расскажу, как проходило консультирование с Тре на протяжении пяти сессий по часу, как мы исследовали историю Тре, его жизненные трудности, а также – как мы выискивали и развивали его предпочитаемую историю. Нарративное консультирование опирается на предположение, что жизненные события приводят к тем или иным последствиям не автоматически. Наш опыт, и в связи с этим наше восприятие себя и отношение к себе зависят от того, каким образом мы создаем из жизненных событий истории. Многие люди сталкиваются с тем, что им «вручают» уже готовые истории о том, кем они могут быть. Иногда, как вы увидите в случае Тре, эти истории могут быть исключительно проблемными. В таких историях зачастую фигурируют обобщающе-негативные заключения об идентичности (Winslade & Monk, 2007). Жизнь, однако же, гораздо сложнее, чем любая история. Даже в наиболее тяжелых, притесняющих обстоятельствах существуют истории о сопротивлении, об отказе оставаться притесняемым, о нереализованных намерениях измениться, или о красоте посреди безобразия и уродства. Люди бережно хранят свои мечты о чем-то ином и предпочтения –

быть не теми, кем, как утверждают окружающие, они являются. «Что-то иное» – это и есть предпочитаемая история. Альтернативная история, запечатленная здесь, выстроена на основе прежде непризнанных сильных сторон, которые Тре не замечал, пока находился под воздействием проблемной истории.

Первую нашу сессию мы не записывали на диктофон по техническим причинам. На первой сессии мы обсуждали и подписывали контракт на работу и вопросы конфиденциальности; выстраивали отношения доверия; я задавал вопросы, направленные на выяснение того, что Тре считает самыми большими сложностями в своей жизни. Также на этой встрече мы обсудили регулярность встреч и назначили время (еженедельно, по воскресеньям, в семь часов вечера).

Больше всего Тре заботило, как можно примирить влияние его прошлого с его актуальной жизненной ситуацией. Он рассказал мне, что пагубное влияние его жизни в родительской семье привело к тому, что он до восемнадцати лет просидит «в каталажке» (в данном случае, на поселении), и он беспокоился о том, куда может повернуть его жизнь после достижения восемнадцати. Он выразил желание закончить школу, но в настоящее время он «заваливал» множество предметов. Когда я спросил его, чего он хочет от консультирования, он ответил: «Разобраться с тем, что мне делать с *mi vida loca* (моей безумной жизнью)».

В начале нашей второй встречи я напомнил Тре о том, что наши беседы будут записываться на диктофон и в дальнейшем с ними ознакомится мой преподаватель. Тре повторил, что это его не беспокоит и он согласен. Я еще раз мягко сказал, что Тре может говорить о том, о чем ему комфортно, о том, что он считает приемлемым выносить на более широкую аудиторию, и если ему в какой-то момент станет некомфортно, пускай он сразу говорит мне об этом.

Мой первый вопрос был: что привело к тому, что Тре оказался на поселении.

«Меня посадили после того, как одна (женщина) меня заложила за «дурь»(марихуану)».

Я спросил Тре, каким образом наркотики вошли в его жизнь, впервые в этой беседе намеренно используя экстернализацию. Экстернализирующие беседы включают в себя обсуждение проблем, как если бы они были «третьей стороной», присутствующей в комнате; в процессе экстернализации мы предлагаем клиентам грамматически отделить себя от проблемных историй. Майкл Уайт (цит. по Winslade & Monk, 2007) сформулировал это в виде афоризма «Человек – не проблема; проблема – это проблема». Поэтому я очень тщательно следил за тем, чтобы говорить о проблемах с наркотиками как о личностной особенности Тре, а упоминал их как некие внешние влияния, воздействующие на него. Этот вопрос в экстернализирующем ключе вызвал поток историй о детстве Тре, о том, как его мама употребляла тяжелые наркотики и занималась проституцией. Он вспомнил, как однажды, когда ему было лет пять, мама спрятала пакет с «дурью» под одеялами в постели Тре – буквально за мгновение до того, как в квартиру ворвалась полиция. Отца своего Тре практически не помнит, помнит только, что было много ссор и драк, причем мама чаще выступала в качестве инициатора-нападающего.

Он рассказал, что «знал о сексе» уже года в четыре. По всему дому валялись порнографические журналы, в том числе и в комнате Тре. Я спросил его, как на него повлияло то, что он знал о сексе уже в четыре года, и он сказал, «Ну, там еще было другое...» – он имел в виду случаи, когда подвергался сексуальным домогательствам со стороны матери. Об этом он рассказал мне в одном из предшествующих разговоров. Он

также добавил, что ему пришлось «смотреть, как брата насилует его отец – отчим Тре», и что когда он пытался что-то сделать, чтобы это прекратить, мама его схватила и держала. Он помнит, что громко кричал и плакал, умоляя отчима прекратить. В этот момент беседы Тре был заметно расстроен и плакал. Он также припомнил, что в квартире везде валялись «книги о е**е».

После этого он рассказал, что, когда ему было шесть, семья оказалась бездомной. Они с матерью и младшим братом (отец брата к тому времени их покинул) пару лет жили на улицах Сан-Диего. Со временем, тетя Тре взяла его и брата жить к себе, но она тоже очень жестоко обращалась с ним. В наказание она «порола его удлинителем». Именно из-за следов, оставшихся на его теле после подобной порки, Тре впервые направили к школьному психологу. На время его забрали из дома тети и поместили в фостерную семью, откуда он за несколько последующих лет не раз убежал.

Я лишился дара речи. Я сам вырос в семье, где со мной жестоко обращались, и мог догадаться, какие ужасные обстоятельства могли привести Тре в колонию, а потом на поселение, но я не был готов услышать всю глубину боли и предательства, жертвой и свидетелем которых Тре оказался в столь юном возрасте. Тем не менее, я чувствовал, что не хочу прямо и полно выражать свое потрясение, потому что, подумал я, это может не дать Тре возможности с достоинством поделиться своим пониманием, своим отношением к этим чудовищным обстоятельствам.

Тре сказал, что ходил к психологам на терапию, сколько себя помнит. Вначале с ним занимались «игровой терапией», потому что он «вообще практически не говорил», не то что по-английски. Он сказал, что ему еще в детстве поставили диагноз «депрессия» и так он «и был с тех самых пор депрессивным». Тре сообщил, что «говорит о своих проблемах довольно много, только лучше почему-то не становится». В ходе того же самого разговора он сказал, что «так, скорее всего, и останется на всю жизнь у***щем!». В дополнение к диагнозу «депрессия», ему ставили еще диагноз «синдром дефицита внимания с гиперактивностью» и некое не вполне определенное личностное расстройство, которое психолог обозначил как «истероподобное».

После того, как Тре сказал, что он «был депрессивным», а также рассказал о тех трагических событиях, которые привели к депрессии, я увидел возможность экстернализовать эти чувства, события и диагноз. Я спросил: «Вот ты сказал мне, как разные психотерапевты, психологи и учителя называли твои проблемы, но мне интересно было бы узнать, а как бы ты сам их назвал?» Я хотел предложить Тре занять позицию эксперта и описать проблемы на своем языке, в своих терминах.

Ни мгновения не колеблясь, Тре заявил: «Дерьмище – оно дерьмище и есть». В оставшееся время сессии мы с Тре составляли список (на бумаге) последствий Дерьмища в его жизни. Исследование последствий – это следующий шаг нарративной работы, после того, как проблема была именована в экстернализирующем ключе. При этом мы обозначаем последствия проблемы (в соответствии с тем, как человек назвал ее) в разных областях жизни. Задача в том, чтобы как можно более подробно описать эти последствия, продолжая все время говорить в экстернализирующей манере и внимательно высматривая, в каких областях и сферах жизни внимание проблемы оказывается не настолько сильным.

Я спросил Тре, как на него самого воздействует Дерьмище, и он сказал, что оно «...заставляет меня хотеть жрать слишком много». Я попросил его объяснить, что он имеет в виду, и он ответил: «Мужик, ну посмотри на меня, ты видел, что я жру. Печенье, пирожные, мороженое, все такое вкусное, от чего я жирею».

Я спросил: «А какие последствия у этого?»

«Другие ребята надо мной смеются, и из-за этого труднее заводить друзей. Я очень стараюсь понравиться, на самом деле, я стараюсь слишком сильно!» Тре объяснил, что, как ему кажется, Дерьмище заставляет его держаться в стороне от людей и «не доверять им, ну, ты понимаешь?». Он продолжил: «если я – жирдяй, то у меня нет «корешков» (друзей), потому что им «приходился» надо мной смеяться. Они не хотят тусоваться с ходячим окороком!»

Я спросил, правильно ли я понимаю, что «не доверять людям» и «держаться от них в стороне» – это последствия Дерьмища, и он согласился. Я здесь снова использовал экстернализацию, чтобы он не «присваивал себе» проблему, а, напротив, отделился от нее.

Пытаясь продолжить исследование последствий Дерьмища, а также провести различие между проблемной историей и будущей предпочитаемой историей, я спросил: «Похоже, что у Дерьмища есть определенные виды на твоё будущее. Если бы ты продолжал прислушиваться к тому, что оно тебе говорит, где, как тебе кажется, ты мог бы оказаться лет через десять?» Этот вопрос направлен на исследования спроецированных в будущее последствий проблемной истории.

И вновь без колебаний Тре ответил: «В могиле...., под мостом с бомжами... или за решеткой». Я спросил, устраивают ли Тре такие перспективы, на что он отозвался выразительным «Ни в жизнь!». Задавая этот, в принципе, самоочевидный вопрос, я предлагал Тре определить и высказать свою позицию по отношению к проблеме и ее последствиям. Эта практика опирается на «карту определения позиции», описанную Майклом Уайтом (White, 2007). Выразительное «Ни в жизнь!», выражающее противостояние проблемной истории, – это маленький первый шаг по направлению к изменениям.

Когда Тре выразил свою позицию – отказ подчиняться Дерьмищу, – это открыло замечательную возможность для дальнейшего расспрашивания, направленного на создание альтернативной, предпочитаемой истории.

Предпочитаемая история

После того, как Тре выразил свою позицию в отношении Дерьмища, я спросил, были ли когда-либо в прошлом ситуации, когда Дерьмище пыталось заставить Тре что-то сделать, но Тре отказался прислушаться к нему.

Вначале Тре не мог ничего припомнить, что само по себе не удивительно, когда проблемная история захватывает жизнь человека и довлеет в ней. Я напомнил Тре о ситуации, имевшей место в первую неделю, когда его перевели из колонии на поселение. Другой подросток вбежал в его комнату и начал «об**рать» (неуважительно отзываться) мать Тре и его национальность. Я напомнил Тре, что он в тот момент подошел к этому подростку, который был существенно меньше ростом, и прямо и твердо сказал ему: «не «наезжай» на мою семью. Я ни о тебе, ни о твоей семье слова плохого не сказал, так что изволь обращаться со мной тоже с уважением».

Тре вспомнил эту ситуацию с юмором и заметил: «Ну, что ты думаешь, я буду, что ли, мочалить этого дурака, который вообще не понимает, о чем говорит?»

Тут я спросил, подсказывало ли Тре Дерьмище что-нибудь в тот момент, и он сказал: «Ага, оно говорило: «Набей ему морду!»»

Я спросил, а что побудило его не прислушиваться к совету Дерьмища, на что Тре отозвался: «Ты что, дурак, что ли? Я хочу выйти из этой каталажки! Ты что думаешь, я хочу всю жизнь на эти стены тарашиться?»

Я ответил, что предполагаю, что ему хотелось бы выйти на свободу, но поинтересовался: «Почему свобода так важна?» Вначале Тре и поверить не мог, что я могу задать такой вопрос, но моя стратегия заключалась в том, чтобы побудить его признать иную сторону себя – то, что он желает чего-то еще, а не того же самого, что желает Дерьмище. Для нарративного консультирования характерно такое любопытство по отношению к как бы «само собой разумеющимся» допущениям. Подобное любопытство побуждает людей сформулировать свои личностные смыслы, а не стандартный дискурс. Предполагается, что, отвечая на такие вопросы, клиенты совершают еще один шаг, в большей степени вступая в ту историю, о которой они говорят.

Тре сказал, что хочет на свободу, чтобы «стать художником. Писать стихи, рисовать, играть на саксофоне».

Я спросил, как бы он хотел назвать это видение предпочитаемого будущего, и он сказал: «Умиротворение». Я расспросил его о том, правильно ли я понимаю, что «в те моменты, когда ты рисуешь, пишешь стихи и играешь на саксофоне, Умиротворение больше всего присутствует в твоей жизни?»

Тре подтвердил, что так оно и есть.

Теперь у нас было название для контрсюжета, противостоящего проблемной истории. Именование контрсюжета часто оказывается полезным, чтобы организовать некоторое количество событий в осмысленную историю, обладающую тематической связностью.

Для того, чтобы «нарастить» предпочитаемую историю об Умиротворении, я попросил Тре описать иные случаи, когда Умиротворение присутствовало в его жизни. И снова ему оказалось сложно припомнить случай, когда он был «в присутствии Умиротворения». Тогда я спросил, как ему удалось с первого раза хорошо сдать выпускные экзамены из школы.

Тре отказывался считать это большим достижением, и обесценил его: «Слушай, ну это же полная фигня, любой бы справился».

Я напомнил ему, что пусть даже так, хоть это и сомнительно, но все же Тре в те три дня, когда проходили экзамены, вставал рано, хотя утренних занятий в эти дни ни у кого не было, и остальные ребята предпочитали поспать подольше, – а Тре выбрал не потакать себе в этом.

Тре заулыбался. «Ага, я вставал утром, в пять часов!»

«Справедливо было бы назвать это «протестом против Дерьмища» и «выражением Умиротворения?»» – спросил я.

Ответом мне было «Да!», сказанное с большим чувством.

В такие моменты, когда предпочитаемая история не «прыгает» сама клиенту в голову, важно, чтобы консультант не сдавался, и продолжал «выуживать и вываживать» ее. Важно оказывается помнить, что те смыслы и заключения об идентичности, которые сформировались у Тре, пока он жил под игом проблемной истории, не позволят ему так вот легко и просто осмыслить противоречащие события и вписать их в историю Умиротворения.

Я спросил у Тре разрешения, и он разрешил мне еще «покопаться» в том, какие средства он применял для того, чтобы сдать экзамены и достичь Умиротворения. Однако ему снова оказалось непросто ответить на мои вопросы.

В этот момент мне показалось необходимым дать Тре обратную связь о тех «важных кусках», которые он «упускал» из своей предпочитаемой истории. Я сказал: «Тре, это для меня как будто ты все продолжаешь спрашивать меня «как построить сарай». И пока ты спрашиваешь, я смотрю и вижу у тебя за спиной отличный сарай, который ты построил сам. И я тебя спрашиваю: «А как ты построил сарай, который у тебя за спиной?», а ты смотришь на него и говоришь: «Слушай, это всего лишь сарай. А я хочу знать, как построить сарай!»» Тут Тре расхохотался.

По его лицу было понятно, что он понял, что я имею в виду, и он вспомнил, что помогло ему встать рано и сдать экзамены. Он сказал, что на сдачу экзаменов его мотивировало, когда он представлял себе лица всех тех, кто когда-либо называл его «тупицей». Тре не нравилось, когда его считают тупицей – он говорил, что и сверстники, и взрослые всегда называли его «тупым мексиканцем».

Здесь я хочу отметить, что я – белый мужчина средних лет. Таким образом, в силу моего пола, возраста и этнической принадлежности я отношусь к тем, кого здесь в Америке можно назвать «привилегированным классом». Более того, я из Калифорнии, а в этом штате существует долгая история предрассудков, дискриминации, личного и институционализованного расизма в отношении мексиканцев, в том числе и американцев мексиканского происхождения.

Замечание Тре о том, что его называли «тупым мексиканцем» звучало так, как будто бы он интериоризовал столь распространенный здесь в Америке расизм. Я также чувствовал возмущение Тре в связи с тем, какое место ему отводилось в обществе. Я очень четко осознавал различия в нашем статусе и расе и чувствовал, что здесь мне нужно действовать очень осторожно. Я понимал, что есть риск, что я буду воспринят как эксперт, и это ненамеренно упрочит уже существующие позиции каждого из нас. Поэтому я выбрал обходной путь.

Я отметил, что, похоже, у Дермища есть союзники, которые помогают ему «навязать свою волю тебе, Тре», но в этом случае (например, когда он сдал экзамены) Умиротворение одержало над Дермищем верх. У многих клиентов могут быть истории о себе, в которые встроено интернализированное представление, например, о том, что кто-то «тупой мексиканец». Здесь я пытался противопоставить этому не прямую конфронтацию, а – снова! – использование экстернализации.

Я спросил Тре, были ли у него когда-либо союзники, которые помогали ему противостоять воздействию Дермища, и он сказал: «Некоторые взрослые помогают».

Я поинтересовался, какие именно взрослые помогали ему.

Он упомянул бывшего учителя, который разглядел художественные способности Тре, и еще несколько учителей и терапевтов, признававших его талант. Он также сказал, что в школе в поселении был учитель, который его всегда слушал и никогда не осуждал. Тре вспомнил, что был момент, когда он хотел удрать из «каталажки», и этот учитель посмотрел на него и сказал: «Ну, соберешься бежать, хоть обними меня на прощание».

После этих слов Тре не смог сбежать, и сказал, что решение остаться «спасло его от дополнительных шести месяцев в колонии».

Тре, однако же, рассказывал эти истории с долей неуверенности. После рассказа о том, как к нему кто-то хорошо относился, он всегда добавлял что-нибудь саркастическое типа: «Ну, я бы иного от учителя и не ожидал», «Работа у него такая», или «Ему просто было жалко меня».

Тут я прибегнул к «вопросам к происходящему сейчас»: «Тре, вот эти комментарии – это Дерьмище говорит, или что?»

«Нет, не оно, – ответил Тре. – Просто мне нужно людей «проверить», чтобы понять, можно ли им доверять. Так что даже тогда, когда кто-то делает для меня что-то хорошее, я всегда думаю, что есть какая-то еще причина, почему они это делают, помимо того, чтобы мне помочь. Мне всегда надо «быть настороже», поэтому у меня и нет настоящих друзей, понимаешь? Я не доверяю людям».

Тре рассказал подробнее о том, как это «Будь настороже» (я это экстернализовал) влияет на его жизнь, и подчеркнул, что всякий раз, когда он не слушал, что говорит ему «Будь настороже», он «нарывался».

Я спросил, как он считает: «Будь настороже» защищает его или причиняет ему вред?

«Ну... и то, и другое».

Тут я попытался задать «шкальный» вопрос: «Насколько «Будь настороже» защищает тебя, а насколько вредит? – по 10-балльной шкале?»

Тре сказал, что вредит на 6, а защищает на 4, и что он бы хотел не иметь необходимости так внимательно прислушиваться к этому «Будь настороже».

Я спросил, бывали ли случаи, когда Тре не прислушивался к «Будь настороже», и ничего плохого не случилось.

«Да. Вот на прошлой неделе тут появилась такая девчонка, Лаура, с огромной задницей, и я над ней «прикалывался» (высмеивал ее). Она мне написала записку, как ей обидно и больно, а я в ответ написал: «А что ты ждешь, когда вокруг пацаны, я не хочу перед ними выглядеть некруто».

И потом я написал ей еще одну записку, со своим стихотворением, и она мне сказала, что если мне когда-то понадобится поговорить, пожаловаться и поплакать, – чтобы я знал, что с ней мне не надо будет казаться крутым. Ух, как же много это для меня значило! Мне никто никогда такого не говорил! Это было так здорово!»

Тре припомнил еще исключения из истории о том, что «если не слушать голос «Будь настороже», нарвешься».

Я спросил Тре, удивляют ли его эти примеры, ведь они противоречат мудрости «Будь настороже», и Тре сказал: «Ага. Я никогда раньше так об этом не думал, но вот теперь, когда я думаю об этом, я не уверен, что этот дурак («Будь настороже») вообще понимает, о чем говорит!»

Мы оба посмеялись – вот ведь!

На пятой, последней, сессии разговор шел о предстоящих изменениях в жизни Тре. Ему должно было исполниться восемнадцать, он поступал в вечерний колледж и, что было для него наиболее важно, вот-вот должен был покинуть режимное учреждение. Он сказал, что теперь в большей степени был готов принять и воспользоваться недешево доставшимися ему свободами.

Я спросил, что он будет делать, когда Дерьмище попытается в будущем поруководить его жизнью, на что Тре сказал: «Дерьмище может пойти на***, мужик! Умиротворение ему задаст!»

Хотя мне было приятно слышать новую уверенность Тре, я напомнил ему, что Дерьмище может попытаться взять реванш, и попросил его перечислить для меня, какими средствами он, Тре, может воспользоваться, если возникнет такая ситуация.

Тре сказал, что ему помогут рисование, каллиграфия и саксофон. «Если уж я с колонией справился и школу закончил, я с чем угодно справлюсь!»

На последней встрече с Тре я вручил ему красивый диплом об окончании школы (это был скорее символ его достижений, нежели официальный документ) и список, где были перечислены параметры проблемной истории и предпочитаемой истории. С момента выхода книги Майкла Уайта и Дэвида Эпстона в 1990 году (White & Epston, 1990), в нарративной практике подчеркивается важность письменного документирования того, а чем шла речь во время консультаций. Смысл подобных документов – «продлить жизнь» изменениям, добавив им легитимности за счет записывания. В документе, который я вручил Тре, были сильные стороны, средства и стратегии, которые Тре использовал, чтобы преодолеть последствия Дерьмища в его жизни. Я также задокументировал свидетельства того, что бывают случаи, когда Дерьмище думает, что победит, а верх одерживает Умиротворение. Я также засвидетельствовал приверженность Тре развитию истории Умиротворения в своей жизни и противостоянию Дерьмищу. И наконец, я поздравил его с окончанием школы, и с тем, что теперь он стал «зашибись-взрослым человеком».

Постскриптум

После того, как Тре выпустили на волю, мы некоторое время продолжали общаться. Он некоторое время жил в социальной гостинице для выпускников колоний в Пасадене, Калифорния, занимался в колледже рисованием и испанским языком. После этого он вернулся в Сан-Диего к приемной матери. Как-то вечером он позвонил мне: «Ты не поверишь! – воскликнул он. – Я работаю в типографии и получаю 16 долларов в час! А через несколько недель меня должны повысить в должности и поднять мне зарплату до 17,25 в час!»

Я был ужасно рад за него. Я сказал, что он наверняка очень гордится собой, и есть за что, и очень здорово, что он этого достиг.

На выходных через неделю он приехал к нам с женой в гости. Я никогда не видел раньше, чтобы он столько улыбался. Он крепко обнял меня, на глазах у него были слезы. Тре поблагодарил меня за ту помощь, которую я ему оказал, а я напомнил, что работал-то он. У меня возникло ощущение, что его окружает аура «зашкаливающего оптимизма» («Теперь все будет хорошо!»), и я решил поговорить с ним о том, что, возможно, в будущем могут быть и разочарования. Он и слышать об этом не хотел. Он сказал: «Ну уж нет, я больше никогда не попаду в каталажку! Даже если я потеряю работу, я тогда вернусь в колледж. Ни за что не буду слушать никакое Дерьмище!» Мы оба посмеялись, но мне было немного беспокойно.

Я знаю, что на жизненном пути у молодого человека с судимостью вовсе не все бывает гладко. Я знал других «зашибись-взрослых» ребят, выходявших из этой же колонии, получавших работу, учившихся, – а потом соблазнявшихся легким заработком и попадавших в тюрьму за те же самые преступления, которые когда-то привели их в колонию. Между интериоризацией безнадежного притеснения, воплощаемого колонией и тюрьмой, и началом новой жизни на воле – тонкая грань. Тре простился с нами, улыбаясь, и заверил меня, что он на верном, новом пути. Что я мог сделать? Только отпустить его и надеяться, что он найдет свой путь.

После того, как я не получал от него весточки в течение двух месяцев, я позвонил по городскому телефону в Сан-Диего, который Тре мне оставил. Автоответчик сказал мне: «Этот номер более не обслуживается. Пожалуйста, уточните номер и попробуйте еще раз». Я очень надеюсь, что если (или когда) Тре споткнется, он всегда будет готов попробовать подняться еще раз.

Литература

Freedman, J., & Combs, G. (1996). *Narrative Therapy: The social construction of preferred realities*. New York, NY: W.W.Norton.

White, M. (2007). *Maps of narrative practice*. New York, NY: W.W.Norton.

White, M., & Epston, D. (1990). *Narrative means to therapeutic ends*. New York, NY: W.W.Norton.

Winslade, J., & Monk, G. (2007). *Narrative counseling in schools: Powerful and brief* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Corwin Press.